

Глава 4. Усы

Выйдя за порог, Цзин Юньшу сразу заметил Чжэнь-нянь — дочь управляющего, дядюшки Чэня. Своим овальным личиком, тонкими дугами бровей и мягким взглядом она являла собой сам образ кротости и послушания. В руках девушка аккуратно несла шитьё.

Цзин Юньшу окинул её взглядом и улыбнулся:

— Какая же ты искусница, Чжэнь-нянь. Я ведь только перед отъездом показал тебе рисунок причёски, а ты уже сегодня уложила волосы в этот крестообразный узел. Тебе очень идёт. Я как раз набросал эскиз украшения для такой укладки. Чжили, принеси-ка то серебряное изделие, что утром доставил мастер Чжан. Примерь на Чжэнь-нянь, хочу взглянуть, как смотрится.

Делать ему всё равно было нечего, и, поддавшись минутному порыву, он повернул обратно в дом.

То украшение было пробным образцом, созданным Цзин Юньшу специально под крестообразный узел: изящный гребень и две шпильки-дянь из чистого серебра с ажурной резьбой, украшенные пластинками из черепахового панциря. Вещица вышла простой и изысканной. Юньшу рассудил так: если на голове она будет смотреться ладно, можно будет заказать такие же из золота или нефрита на продажу.

Посмотрев, как Чжэнь-нянь примерила украшение, Цзин Юньшу с довольным видом кивнул:

— Тебе к лицу, Чжэнь-нянь. Оставь его себе.

С этими словами он взял грелку для рук и вышел со двора.

Счастливая Чжэнь-нянь поспешно поклонилась в знак благодарности. Чжили тоже заулыбалась и поспешила следом за хозяином.

Сливовый дворик славился не только цветами мэйхуа — здесь росли и груши, любимые деревья Цзин Юньшу. Сад радовал глаз в любое время года, но сейчас, посреди зимы, всюду полыхали сливы. Среди них выделялось несколько ярко-красных деревьев, но больше было белых и нежно-розовых. Лёгкий порыв ветра разносил по саду их тонкий, морозный аромат. Шаги Цзин Юньшу по покрытым инеем каменным плитам гулко отдавались в тишине сонного сада, прерываемой лишь тихим поскрипыванием снега да редкими переливами невидимых птиц.

В самой глубине сада взору открывался небольшой пруд с перекинутым через него горбатым мостиком. Вода уже застыла, и лишь у протоков лед не успел схватиться; по зеркальной глади медленно скользили опавшие лепестки мэйхуа.

На том конце моста стоял мужчина в огненно-красной лисьей шубе. Изящный и благородный, словно весенний ветер, он держал в пальцах веточку сливы, вдыхая её едва уловимый аромат. В его глазах отражался блеск звезд, и казалось, он был искренне очарован этой зимней картиной. Он слегка улыбнулся, и эта улыбка была подобна лучу луны, пробивающемуся сквозь облака, а бледное лицо казалось чище и прозрачнее самого свежего снега вокруг.

Вдоволь налюбовавшись кружением снежинок над алыми цветами, Цзин Юньшу почувствовал, что начинает зябнуть. Он уже собирался вернуться в тепло, как вдруг в круглых воротах показался управляющий, дядюшка Чэнь. Заметив, что хозяин смотрит на него, он поспешил навстречу. Поклонившись, старик доложил:

— Господин, вас ожидает генерал Янь. Говорит, у него есть к вам пара спешных вопросов.

Генералом Янем, о котором говорил дядюшка Чэнь, был тот самый человек, что на днях лично проверял повозки у городских ворот. Это был Янь Ю — третий сын в семье Янь, рожденный от наложницы. В знатных кланах детям от наложниц редко выпадала возможность выбиться в люди и получить высокий чин, однако в семьях потомственных военных личные заслуги и воинская доблесть ценились куда выше происхождения. Семья Янь была ярким тому примером.

В свое время старый генерал Янь почти всю жизнь проводил в походах и редко навещался домой, где его ждали лишь супруга да двое законных сыновей. Однажды на поле боя ему довелось спасти молодую женщину. В благодарность она пожелала остаться при нем служанкой, не претендуя на большее. Генерал же отличался строгими нравами: целых пять лет они провели бок о бок, но за это время не возникло ни грязных слухов, ни внебрачных детей.

В конце концов супруга генерала сама проявила благородство — выкупила девушку из рабства и возвысила до статуса наложницы. История о верности генерала и добродетели его жены долго гремела по всей столице. Вскоре наложница родила сына, которого назвали Янь Ю. Сама она, по слухам, была женщиной кроткой и тихой, жила уединенно и прекрасно ладила со старшей госпожой, никогда не вступая в споры. Супруга генерала воспитывала Янь Ю как собственного сына, что стало еще одной красивой легендой, которую любили пересказывать в Чанъане.

С малых лет Янь Ю отличался недюжинной силой и отменным аппетитом. Он тренировался вместе со старшими братьями и преуспел в боевых искусствах не меньше их.

Когда старый генерал Янь пал на поле боя, его старший сын Янь Фан уже служил по гражданской части, а второй, Янь Чжэн, пошел по стопам отца и стал военным. Престарелая мать хотела удержать младшего Янь Ю подле себя, но тот тайно сбежал в армию, горя желанием отомстить за смерть отца. Спустя год службы он лично возглавил отряд, разгромивший логово опасных разбойников, и вернулся домой с заслуженной наградой. Старая госпожа испытала и гордость, и щемящую грусть — воистину, у грозного тигра не рождаются трусливые псы. Заботу о младшем брате она поручила Янь Чжэну, который был старше того на десять лет. Старший брат заменил юноше отца. Под его строгим началом Янь Ю возмужал и покрыл себя славой в боях. Ныне средний брат, Янь Чжэн, оборонял стратегически важный

Цанчжоу на юго-западе, а младший, Янь Ю, охранял Юнъань — ключевую тыловую житницу округа. Оба они по праву считались грозными защитниками юго-западных рубежей, наводящими ужас на племена жун и ди.

Тем временем в гостиной Янь Ю уже терял всякое терпение. Он мерил комнату нетерпеливыми шагами. По меркам столицы Поместье Цзин, хоть и считалось богатейшим в провинциальном Юнъане, вряд ли могло поразить воображение знати. И все же порядок здесь был безупречный: служанки вели себя с тихим достоинством, бесшумно подливали гостю чай, не выказывали ни робости, ни страха перед грозным воином и оставались совершенно спокойны.

В сопровождении слуг в залу неторопливо вошел Цзин Юньшу. Он приветственно сложил ладони:

— Генерал Янь.

Янь Ю сделал широкий шаг вперед и удержал его за руки, не дав поклониться:

— Оставьте эти церемонии, господин Цзин. Я пришел к вам... — Он выразительно огляделся по сторонам.

Цзин Юньшу едва заметно кивнул Чжили.

Девушка сделала знак рукой, и служанки бесшумно покинули гостиную одна за другой. Напоследок наполнив пиалы свежим чаем, Чжили тоже вышла и встала на страже у дверей.

Сделав неторопливый глоток, Цзин Юньшу спросил:

— Пришли из-за вашего старшего брата, генерала Яня?

Видя невозмутимое спокойствие собеседника, Янь Ю заметно расслабился. Опустившись на циновку перед низким столиком, он спросил:

— Значит, у вас все под контролем, господин Цзин?

Цзин Юньшу поставил пиалу на стол:

— Под контролем — слишком громко сказано, однако вашему брату ничто не угрожает.

На лице Янь Ю наконец-то расплылась облегченная улыбка:

— Какое счастье... Все благодаря вам, господин Цзин.

Цзин Юньшу лишь отмахнулся:

— Ну что вы, моей заслуги тут нет, я и пальцем не пошевелил. Но генералу Янь Чжэну и впрямь не о чем беспокоиться. Государь дорожит безопасностью юго-запада, так что дело ограничится сушим пустяком, легким выговором для острастки.

Цзин Юньшу вовсе не скромничал — он трезво оценивал положение дел. В империи способных полководцев, готовых защитить рубежи, осталось раз-два и обчелся. Нынешний император, хоть и ушел с головой в даосские поиски бессмертия, глупцом не был и прекрасно понимал цену верным клинкам. Когда генерал Ли Шицзюнь, оборонявший Хами на северо-западе, дерзко возразил государю прямо на дворцовом приеме, его лишь приговорили к домашнему аресту на полгода да лишили жалованья за тот же срок. По сравнению с этим проступок семьи Янь — суший пустяк. Император просто время от времени устраивал показательные встряски своим военачальникам, чтобы те не забывали, кто в государстве истинный хозяин. Стоило лишь потешить его самолюбие, и любая туча рассеивалась сама собой.

Чанъань. Квартал Чансин. Усадьба Яней

Сняв тяжелый чиновничий убор, Янь Фан со вздохом произнес:

— Хоть все и обошлось, расслабляться нельзя. Это моя оплошность — я проявил непростительную беспечность и упустил первые тревожные слухи.

Янь Чжэн отстегнул тяжелый меч и аккуратно положил его на подставку:

— Что за глупости ты говоришь, брат? От подобных козней никто не застрахован. Как бы осторожно ни вела себя наша семья, враги все равно найдут повод для удара. Твоей вины тут нет.

Служанка поднесла влажное теплое полотенце. Вытирая руки, Янь Фан спросил вполголоса:

— Удалось выяснить, чьих рук дело эта затея с прижизненным храмом?

Янь Чжэн кивнул, и он, суровый и повидавший виды, внезапно довольно усмехнулся:

— О да. Но каков господин Цзин! Его уловка с обращением чужого коварства в собственную выгоду сработала безупречно. Видел бы ты физиономии тех старых псов на совете!

Янь Фан искренне восхитился:

— То, что ты сумел сойтись с господином Цзинем, — великое благословение для нашего рода. Я недавно раздобыл несколько редких древних манускриптов, обязательно отвези их ему в подарок.

Янь Чжэн кивнул, принимая поручение.

— Помнится, ты упоминал, что господин Цзин передал тебе шелковый мешочек с советом и велел вскрыть его строго перед аудиенцией, — припомнил Янь Фан. — Что же там было написано?

Янь Чжэн запустил руку за пазуху, достал простой мешочек из некрашеного шелка и протянул брату:

— Прочти сам, а потом сожги. Господин Цзин просил не оставлять следов.

Янь Фан бережно вытащил сложенный листок бумаги и развернул его. На белом поле твердой кистью были выведены всего два иероглифа: «Усы и борода». Вице-директор Канцелярии на мгновение опешил, но уже в следующую секунду до него дошел смысл, и он весело рассмеялся. Вспомнив вытянутые физиономии своих недоброжелателей во дворце, он зашелся в искреннем, громогласном хохоте. Чуть подрагивающей от смеха рукой он поднес бумагу к пламени свечи и заворуженно смотрел, как она обращается в пепел.

— Какая тонкая игра! Поистине, господин Цзин спас нас от гибели.

Янь Чжэн вторил его смеху.

Накануне аудиенции Янь Чжэн внимательно изучил присланные из провинции зарисовки прижизненного храма и мгновенно разгадал замысел Цзин Юньшу. На совете он уверенно заявил, что глупые крестьяне воздвигли это святилище в честь самого императора! Поскольку рисунки в доносе были весьма грубыми и нечеткими, уличить его во лжи было трудно, тем более что форма усов на статуе разительно отличалась от усов самого генерала. Цзин Юньшу, заранее прознав о кознях недоброжелателей, тайно отправил людей в тот злосчастный храм и велел наспех переделать окладистую бороду статуи в две изящные ниточки усов, в точности как у государя. На суде Янь Чжэн твердо стоял на своем: мол, темные деревенские жители никогда не видели ясного лица Его Величества, но свято верили, что Сын Неба подобен могучему божеству-хранителю в тяжелых доспехах. А поскольку на диком юго-западе царит ужасающая бедность, то и само изваяние вышло топорным и неказистым.

Была ли это правда — никого не волновало. Главное, что это тешило монаршее самолюбие. Император ни за что не стал бы собственноручно разрушать храм, якобы построенный в его честь преданным народом. И пусть все присутствующие прекрасно понимали, что это ложь, никто в здравом уме не посмел бы перечить государю и навлекать на себя его гнев.

Оставшись чрезвычайно довольным, император даже выделил из казны средства на восстановление и достойное украшение «своей» статуи. О том, как позеленели от злости лица доносчиков, не стоило и говорить.

Постепенно Янь Чжэн посерьезнел. Он помрачнел и с содроганием вспомнил:

— Местные бедняки уверяли, будто собирают деньги на буддийскую молельню, вот я и не придал этому значения. Кто же знал, что за моей спиной они тайно возведут храм в мою честь? Если бы господин Цзин, проезжая через Хэчжоу, случайно не заметил стройку и не проявил свою редкую проницательность, нам бы точно несдобровать.

Янь Фан задумчиво погладил длинную бороду:

— Зимы в Юнъане суровые и тоскливые, то ли дело празднование Нового года в столице. Не думаешь пригласить господина Цзиня погостить у нас?

— Я спрошу его, когда вернусь, — отозвался Янь Чжэн, но тут же нахмурился, подбирая нужные слова. — Вот только господин Цзин...

— Что с ним? — любопытствовал Янь Фан.

— У него, похоже, с рождения слабое здоровье, да и в быту он невероятно привередлив. Навряд ли он согласится стеснять себя пребыванием в чужом доме.

Янь Фан лишь усмехнулся:

— Да насколько привередливым может быть мужчина? В конце концов, он ведь воин или ученый, а не кисейная барышня.

— Тут ты не прав, брат, — покачал головой Янь Чжэн. — Господин Цзин в своих привычках обойдет любую столичную красавицу. К тому же у человека его склада ума наверняка давно куплена собственная усадьба в Чанъане. Сам посуди: помнишь тот гарнитур из красного дерева, что я прислал тебе в подарок? Его ведь изготовили по личным чертежам господина Цзиня. Удобно сидеть, не так ли? Он великий мастер находить удовольствие в мелочах. Можешь себе представить, как роскошно обустроено его собственное Поместье Цзин в Юнъане.

В те времена люди все еще спали и принимали гостей на циновках, расстеленных прямо на полу. Цзин Юньшу, не привыкший к подобному быту, быстро уставал от долгого сидения на коленях — у него начинали нестерпимо ныть суставы. Недолго думая, он спроектировал и заказал для себя удобные стулья, высокие столы и просторные кровати, сделав упор на комфорт и эргономику. Поначалу он сомневался, приживется ли его новшество среди местных жителей, но решил рискнуть и выставил несколько образцов на продажу. Успех превзошел все

ожидания. Простые бедняки, конечно, не могли позволить себе подобную роскошь, но богатые чиновники и купцы, знающие толк в удобстве, мгновенно раскупили новинки. Со временем мода дошла и до императорского дворца — там тоже появилось несколько изящных гарнитуров на высоких ножках, что дало мощный толчок развитию мебельного ремесла во всей империи.

Вспомнив свое удивление, когда он впервые увидел эти диковинные высокие столы и стулья — резные, удобные и невероятно практичные, — Янь Фан поймал себя на мысли, что его желание познакомиться с загадочным господином Цзинем разгорелось с новой силой.

<http://bllate.org/book/18296/1758184>